

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/1813-145X-2026-1-148-217

EDN: VJWL DY

Банализация героизма в оптике сизигии

Светлана Владимировна Соловьева

Доктор философский наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории науки, Приволжский государственный университет путей сообщения, 443066, г. Самара, ул. Свободы, 2В
metaphisica@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена банализации героизма в современной культуре. Исследуется трансформация героя из трансцендентной фигуры в инструмент повседневности, что отражает кризис больших нарративов. В качестве ключевого методологического инструмента, важного для культурологического знания, используется концепция сизигии (органического единства противоположностей), позволяющая представить героизм как динамическую структуру. В исследовании применяется комплекс философских и культурологических методов: историко-концептуальный анализ, инструментарий критической теории, дискурс- и семиотический анализ медиатекстов. Эмпирическую базу составляют современные культурные практики, от мемов до волонтерских движений.

Основным результатом проведенного исследования является разработка триадической модели героизма как сизигии логоса (смысл), этоса (нравственный выбор) и мифа (символический нарратив). Показано, что в постгероическую эпоху классическая бинарная пара «Герой–Враг» распадается, уступая место новым бинарным же конфигурациям: «Жертва–Спаситель» (этика заботы) и «Травмированный герой–Его уязвимость». Выявлены кросс-культурные различия в наполнении этой триады. В обсуждении подчеркивается, что банализация выступает не формой истончения или исчезновения героического, но способом переструктурирования последнего. Подлинность героического возможна лишь при целостности всех трех элементов сизигии (логос, этос, миф). Утрата одного ведет к вырождению: логос без этоса и мифа становится бюрократической схемой, этос без логоса превращается в фанатизм, миф без логоса и этоса оборачивается идеологическим симулякром.

В заключении статьи утверждается, что героизм остается устойчивой культурной структурой, адаптирующейся к новым условиям. Предложенная сизигийная модель позволяет анализировать героизм как диалогическое отношение, а не застывший архетип, вскрывая глубинные сдвиги в коллективном сознании.

Ключевые слова: героизм; герой; банальность героизма; трансформация героизма; сизигия; логос; этос; миф

Для цитирования: Соловьева С. В. Банализация героизма в оптике сизигии // Ярославский педагогический вестник. 2026. № 1 (148). С. 217–224. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2026-1-148-217>.
<https://elibrary.ru/VJWL DY>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART
(CULTUROLOGY, ART CRITICISM)

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

The banalization of heroism in the optics of syzygy

Svetlana V. Solovyova

Doctor of philosophical sciences, associate professor, head of department of philosophy and history of science, Volga state transport university. 443066, Samara, Svoboda st., 2B
metaphisica@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1642-2000>

Abstract. This article analyzes the phenomenon of the banalization of heroism in contemporary culture. It examines the transformation of the hero from a transcendental figure into an instrument of everyday life, reflecting the crisis of grand narratives. The concept of syzygy (the organic unity of opposites) is used as a key methodological tool, allowing us to conceptualize heroism as a dynamic structure. The study employs a combination of philosophical and cultural methods: historical-conceptual analysis, critical theory tools, and discourse and semiotic analysis of media texts. The empirical basis is provided by contemporary cultural practices, from memes to volunteer movements.

The main result is the development of a triadic model of heroism as a syzygy of logos (meaning), ethos (moral choice), and myth (symbolic narrative). It is shown that in the post-heroic era, the classic «Hero-Enemy» pairing disintegrates, giving way to new configurations: «Victim-Savior» (ethics of care) and «Wounded Hero-His Vulnerability». Cross-cultural differences in the content of this triad are revealed. The discussion emphasizes that banalization is not a form of thinning or disappearance of the heroic, but a means of restructuring it. The authenticity of the heroic is possible only with the integrity of all three elements of syzygy (logos, ethos, myth). The loss of one leads to degeneration: logos without ethos and myth becomes a bureaucratic scheme, ethos without logos devolves into fanaticism, and myth without logos and ethos becomes an ideological simulacrum.

In conclusion, the author argues that heroism remains a stable cultural structure, adapting to new conditions. The proposed syzygy model allows analyzing heroism as a dialogic relationship rather than a frozen archetype, revealing profound shifts in collective consciousness.

Key words: heroism; hero; banality of heroism; transformation of heroism; syzygy; logos; ethos; myth

For citation: Solovyova S. V. The banalization of heroism in the optics of syzygy. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2026; (1): 217-224. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2026-1-148-217>. <https://elibrary.ru/VJWLDY>

Введение

Когда мы задумываемся о герое и героизме, то в нашем сознании появляется великое: царь Эдип Софокла, апостолы и святые – герои житей, бесчисленная плеяда военных, совершивших подвиги. Даже если герой теряет конкретность имени и исторического контекста, но не истончается его мифо-поэтическое величие (Р. Рождественский «На Земле, безжалостно маленькой...», 1969).

Однако история и культура XX века производят значительный поворот от элитарности подвига к его массовости. Герой теряет онтологические черты, конвертируясь в культурное производство, а, как известно с Беньямина, индустриальный характер приводит к утрате «ауры», ритуальности, уникальности. Героизм и герои

с потерями встроились в цивилизацию технической воспроизводимости, превратившись в мире цифры в мем. Типология героев в мемах отражает фундаментальный сдвиг от вечных архетипов (воина, мудреца) к новым, сетевым формам героизма, основанным на аффекте, иронии, коллективном творчестве. Это живая и быстро развивающаяся область культуры и направление исследований [Колозариди, 2016; Волошин, 2023; Сигаева, 2025].

Анализ мемов демонстрирует двойственность образа героя в цифровой культуре. С одной стороны, классический героический образ мем-культура заменяет ироничными, сетевыми идентичностями. «Герой» становится функцией виральности, а не моральным примером, теряя ауру [Колозариди, 2016]. С другой стороны, исследования показывают, что мем-герой сохраня-

ет созидательные черты, оставаясь объектом восхищения. В ироническом контексте одна и та же фигура может одновременно и восхваляться, и высмеиваться, выступая не победителем, а элементом формирования коллективной идентичности и социальной оценки [Shivam, 2023].

Методы исследования

К исследованию банализации героизма был привлечен ряд теоретико-философских подходов и культурологических методов. Историко-философский и концептуальный анализ позволил проследить эволюцию понятия героизма, эксплицировать ключевые категории («героизм», «герой», «банализация» и пр.). Методология критической теории предоставила инструменты анализа «культуриндустрии» и превращения героизма в предмет символического обмена.

Концепты «банальность зла» (Х. Арндт), «банальность героизма» (З. Франко, Ф. Зимбардо), «сизигии» (С. Булгаков, К. Г. Юнг) позволили создать интегративный подход к изучению современных форм героизма в контексте универсализации. Разработка сизигийного подхода (через выделение логоса, этоса, мифа как фундаментальных компонентов героизма) привела к выдвиганию гипотезы исследования: банализация героизма представляет собой не исчезновение героического, а его трансформацию: герой из трансцендентной фигуры превращается в «инструмент» для решения повседневных задач, что отражает кризис больших нарративов в постмодерне.

Результаты исследования

Концепты «банализация героизма» и «сизигия»

В психологической и культурологической традиции «банальность героизма» артикулирована З. Франко и Ф. Зимбардо [Franco, 2007] как продолжение «банальности зла» Х. Арндт: герой мыслится как «обычный человек», сохраняющий нравственный стержень и способный к моральному действию в ситуации зла. Зимбардо запускает проект «Героическое воображение», заключающийся в разработке инновационных стратегий для обучения героизму и воспитания героического поведения [Heroic Imagination Project, 2010]. На этой основе формируется активистско-академический проект «науки о героизме» (С. Т. Эллисон, Дж. Геталс, Р. Крамер), ориентированный на культивирование «героического воображения» в рамках исследовательских и просветительских программ [Allison, 2015].

Критики подобного подхода указывают, что редуцирование героя к «обычному человеку в необычных обстоятельствах» ведет к нивелированию специфики героической личности, чья мотивация укоренена в сложных конфигурациях нравственной зрелости, опыта ответственности и способности к рефлексии целей. Против банализации выдвигается тезис о множественности моральных персон, о разных путях к подвигу, что позволяет говорить о сохранении потенциала героизма даже в постгероическом обществе, где он часто маркируется как девиация или вытесняется эпатажными образами массовой культуры.

В условиях постгероизма, описываемого через утрату больших нарративов и обмирщение символических структур, героизм не исчезает, а смещается в область индивидуальных жизненных стратегий, опирающихся на «реликты трансцендентного» в расколдованном [Балаклеец, 2023, с. 46]. Эти стратегии характеризуются ситуационной обусловленностью, дарственностью, нарративной опосредованностью и учреждением новой парадигмы действия. Героическое становится формой экзистенциальной самоопределенности, а не публичным подвигом [Балаклеец, 2023]. В этом контексте банализация героизма свидетельствует о миграции героя «из антропологической лаборатории в сферу повседневного»: героическое начинает проживаться «изнутри» обыденной жизни, но при этом не теряет своей структурной сложности. Здесь актуализируется задача выделения бытия героического как устойчивой конфигурации культурных пластов, которое действенно даже тогда, когда символические вершины героизма, кажется, размыты в популярной культуре.

С нашей точки зрения, для описания глубинной структуры героизма продуктивно обращение к понятию «сизигии» (σύζυγος, σύζυγια), понимаемой как органическое, онтологическое сопряжение разнородных начал. В богословско-философской традиции С. Булгакова сизигия обозначает симфоническую связанность бытия, мистический союз божественного и человеческого [Булгаков, 1994, с. 34], раскрывающийся в Парусии Сына, Духа и Богоматери как космическом и церковном единстве [Булгаков, 1942, с. 558]. В аналитической психологии К. Г. Юнга сизигия описывает архетипическую структуру мужского и женского, субъективного опыта и трансцендентного образа, задавая фундаментальную схему парных противоположностей (небо/земля, день/ночь, мужское/женское) [Юнг, 2019, с. 36,

49], через которую конституируются и психика, и мифологические системы [Юнг, 2019, с. 304]. В обоих случаях сизигия мыслится как универсальный принцип со-бытия и со-причастности противоположностей, формирующий каркас символического порядка.

Применение понятия «сизигия» позволяет описать героическое как союз фундаментальных культурных модальностей: логоса, этоса и мифа. Логос здесь задает рациональную структуру героического действия, его встраивание в осмысленный проект и дискурсивную артикуляцию, благодаря которой единичный поступок приобретает культурную рефлексивность и коммуникативную транслируемость. Этос фиксирует ценностно-нравственную основу героизма: решение героя обретает статус героического в той мере, в какой соотносится с коллективными представлениями о справедливости, достоинстве, ответственности; становится признанным как универсальная или, напротив, проблематизирующая норма. Мифологический компонент придает героизму символическую и архетипическую глубину, связывая единичное событие с устойчивыми образами странника, воина, основателя, мученика и др., обеспечивает преемственность и бессмертие героического нарратива.

Если рассматривать банализацию героизма через призму сизигии, становится очевидно, что речь идет не о деградации, а о трансформации героического в культуре. Обыденный герой постгероической эпохи продолжает действовать в поле логоса (рациональных обоснований действия), этоса (локальных, но интенсивных ценностных ориентаций) и мифа (медиальных и массово-культурных сюжетов, которые, пусть и фрагментарно, воспроизводят архетипические схемы героизма).

Банализация в таком понимании фиксирует переход от редких экстремальных подвигов к «распределенному» героизму, встраивающемуся в микропрактики повседневности, но удерживающему сизигийное единство логоса, этоса и мифа как онтологическое условие героического опыта. Героизм как сизигия позволяет описать одновременно его обыденизацию и его устойчивость: героическое рассеивается в множественных «малых» действиях. Благодаря глубинной связности рационального, ценностного и символического продолжает оставаться структурообразующим принципом культурного бытия.

Распад классической сизигии: Герой и Враг

В традиционных героических нарративах ключевым структурным элементом была сизигия «Герой – Враг». Эта пара обеспечивала смысловое поле для поступка, где фигура Врага формировала контур испытания, личного риска, через который раскрывается суть героизма. В постгероическую эпоху данная сизигия подвергается эрозии. Враг становится анонимным и абстрактным (терроризм, пандемия, климатический кризис, цифровые угрозы), исчезает ситуация личного риска и прямого поединка, определявшая классический эпос. Конкретность фигуры Врага начала распадаться в XX в., о чем глубоко пишет Ханна Арендт. «Банализация зла» ярко обнаружилась в судебном процессе над Адольфом Эйхманом: «Он подводил итог урокам, которые были преподаны нам в ходе долгого курса человеческой злобы, – урокам страшной, бросающей вызов словам и мыслям *банальности зла*» [Арендт, 2008, с. 384]. Арендт показывает, как современное зло утрачивает демонические черты, становится анонимным, бюрократическим, «банальным». Продолжая рефлексию современности, Бек называет наше время «спекулятивным веком», в нем угрозы и риски становятся умоглядными, ведут к «возникновению своеобразного “царства теней”, сравнимого с богами и демонами на заре человечества» [Бек, 2000, с. 88]. Токсичное повсюду, а Враг невидим. «Апокалиптическая эскалация» (П. Вирильо), «апотропия и бесконечная виртуализация войны», или победа виртуального над реальным, «которая, вопреки Аристотелю, является сдерживающим фактором от перехода к действию». Войну – как главное пространство обнаружения героизма – «закоротило между двумя крайностями: интенсификацией и апотропией» [Бодрийяр, 2016, с. 19, 48].

Классическая пара «Герой – Враг» замещается сизигией «Жертва – Спаситель». Новой фигурой героя становится волонтер. Поисково-спасательный отряд «ЛизаАлерт» или «Волонтеры-медики», объединяют сотни тысяч человек по всей России. Волонтер не определяется борьбой с врагом, но актом служения Жертве. Его идентичность и признание («герой нашего времени») возникает в момент помощи, обозначая героизм как временное событие и реляционное явление. Героизм здесь лишен доблести воина и представлен как труд, а жертва выступает символом уязвимости и неопределенности будущего. Геро-

изм легитимируется через акт служения Другому: онтологическим основанием современного героического подвига становится «этика заботы», где забота «навязана прочностью начинающегося бытия, изначально обеспокоенного собственной переполненностью» (Хайдеггер). Подобно тому, как «отношение с бытующим – предшествует всякой онтологии», этика заботы выявляет исходный приоритет отношения к Другому, отношение с Другим свидетельствует об статусе «первой философии» [Левинас, 2000, с. 15, 387]. Забота становится новой нормой, «самым распространенным видом труда», способом субъективации и инструментом контроля, а главной задачей становится поиск меры между «между зависимостью и автономией» активного субъекта [Гройс, 2024]. Героизм конструируется в пределах локуса и акта заботы, а медиапредставление деятельности «ЛизаАлерт» или «Волонтеры-медики» служит примером замещения классической бинарной пары «Герой – Враг» сизигией «Жертва – Спаситель». Так героизм современности определяется не мужеством, а ответом на уязвимость Другого.

Если Враг перемещается во внутренний мир героя, то драма разворачивается как борьба с травмой, тревогой, зависимостью. Герой теряет сизигийную противоположность, а подвиг лишается прежней эпической ясности. Тут обнаруживается новый тип сизигии «Травмированный герой – Его уязвимость». Этика заботы изменяет свой фокус с внешнего объекта, на внутреннего Врага. Сборка современного героя происходит через концепт «травмы», «раны». Архетип героя XXI века – фигура травмированного героя, чья надломленность не является слабостью, но источником глубокой рефлексии и подлинного героизма. Классическим примером такого архетипа является Тони Старк, вселенной Marvel. Визуальной метафорой уязвимости становится электромагнит, удерживающий осколок возле сердца, который является одновременно источником силы и напоминанием о боли и хрупкости. Способность действовать вопреки страху, внутренним травмам, «внутренним демонам» – энергичный источник героизма.

В русской культуре примеров подобного типа героизма множество, наиболее ярким выступают такие персонажи, как Обломов, рефлексивный герой «подполья» Достоевского, толстовская идея силы через смирение (Иван Ильич, Болконский, Ростов), феномен «внутренней миграции» в советской культуре. В оптике абсурдности ми-

ра враг как противоположность героя исчезает, а его место занимают разломы человеческого бытия: «Трагедия начинается вместе с познанием. (...) В этом вся тихая радость Сизифа. Ему принадлежит его судьба. Камень – его достоинство. Точно так же абсурдный человек, глядя на свои муки, заставляет умолкнуть идолов» [Камю, 1990, с. 90, 91].

Банализация героизма происходит, по нашему мнению, и через псевдосизигию «(Супер)герой – Его маска». Иллюстрация разделения героя и его маски – перформанс, проект-спекуляция Амалии Ульман «Превосходство и совершенство» [Леде-нев, 2021]. Ульман создала гиперреалистичный симулякр конфликта между «настоящим» и «цифровым» «я», в котором подлинная трансценденция заменена сценарием и эстетикой потребления. Тут нет настоящей сизигии в конструировании, но только спектакль, где внутренняя драматургия личности становится частью брендинга и маркетинга.

Конструирование социальных масок в сети иллюстрирует, как цифровые идентичности становятся перформативными конструкциями, подтверждая синтез симулякров Бодрийера, гиперреальности спектакля Ги Дебора, перформативную идентичность Батлер. Масс-медиа производят псевдосизигии, имитируют глубину противостояния Герой – Враг, показывая, что их противостояние пародийно и декоративно. Если феномен маски фундаментален для традиционных и классических культур, то в современном мире происходит перенос маски в практики «вторичной оценки», «Second-hand Valuation» [Larsen, 2015; Auxtova, 2025; Marzella, 2015; Crewe, 2003]. Second-hand как культурная практика в банализации героизма включает героя в символический обмен, наделяя его чертами «винтажа». Пример – междисциплинарный проект по исследованию имиджевого капитала 2022 г. «IMAGE CAPITAL» историка фотографии Э. Блашке и художника А. Линке. В проекте поднимаются вопросы о том, как управляется, используется и монетизируется валообразно растущее количество изображений в цифровых и аналоговых концепциях культуры, как формируется имиджевый капитал в непрерывном накоплении визуальности [Image Capital, 2022]. Герой в массовой и цифровой культуре, теряя Врага, превращается в зрелище и симулякр, лишенный трансформирующей силы и экзистенциального смысла. Как замечено в «Диалектике Просвещения»: «Культуриндустрия беспрестанно обманывает своих

потребителей по поводу того, что она им беспрестанно обещает. Вексель на удовольствие, выдаваемый действием и его аранжировкой, пролонгируется тут до бесконечности», и все зрелища, никогда не дойдет до дела и удовлетворения аппетита, но так и ограничится «чтением меню»» [Адорно, 1997, с. 174–175].

Понимание героизма как сизигии Логоса, Этоса и Мифа: теоретико-культурологический подход

Анализ новых сизигий позволяет понять глубинные сдвиги в коллективном сознании современного общества. В оптике со-причастности можно говорить не только об упадке, но о переструктурировании героического, рождении его парадоксальных форм. Конструирование героического в оптике логоса-этоса-мифа преодолевает эксклюзивность и монолитность классического образа, раскрывает героизм как структуру отношений, диалога, антиномии.

Интерпретация героизма как сизигии логоса, этоса и мифа позволяет построить целостную модель, раскрывающую суть этого феномена. Героизм оказывается устойчивым культурным явлением при неразрывной связи всех трех начал. Логос отвечает на вопрос «почему?» (придает героизму смысл и легитимность). Этос отвечает на вопрос «каким образом и кем?», в действии соединяется окказиональность выбора и всеобщность принципов-норм. Миф, задавая вопрос «как герой живет в культуре?», соединяет героя с планом трансценденции, признанием и коммуникацией смысла. Нарушение этой связи приводит к девальвации героизма: логос без этоса и мифа становится бюрократическим предписанием, этос без логоса и мифа – опасной экспрессией, а миф без логоса и этоса превращается в пустую идеологему, мнимость «героизма» или имиджевое клише.

Таблица 1.

Схема начал сизигии героизма в случае возможных элементов триады

Комбинация составляющих	Сущность	Результат
логос + этос (без мифа)	осмысленный, но забытый поступок	трагический тупик, бессмысленная жертва, забвение
этос + миф (без логоса)	волевой, но бессмысленный поступок	фанатизм, деструкция, бессмысленная

Комбинация составляющих	Сущность	Результат
		жестокость
миф + логос (без этоса)	красивая, но пустая схема	пропаганда, симулякр

Утрата любого из элементов не обедняет феномен, а катастрофически искажает его суть, превращая в свои противоположности – забвение, террор или ложь. Сизигия логос-этос-миф является онтологически необходимой структурой для подлинного героизма. Героическая личность – человек, чей поступок оказывается в эпицентре триединой связи, на пересечении высшего смысла (логос), мужественного действия (этос) и вечного повествования (миф). Так сизигия конструирует героизм как один из инструментов созидания и сохранения человеческой культуры.

Заключение

В статье представлен анализ феномена банализации героизма в культуре XX–XXI вв., показывающий переход героя от элитарной, трансцендентной фигуры к массовым, сетевым и ироничным формам. Героизм в оптике сизигии описывается как устойчивая и одновременно гибкая структура, мигрирующая из области эпических свершений в сферу повседневных практик, этики ответственности и работы с уязвимостью. Предложенная модель служит инструментом анализа эволюции героического, позволяя увидеть в нем не статичный архетип, а живой диалог между смыслом, волей и культурным нарративом в условиях банализирующей, но по-прежнему героической культуры.

Библиографический список

1. Адорно Т. Диалектика просвещения: философские фрагменты / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. Москва ; Санкт-Петербург : Медиум ; Ювента, 1997. 320 с.
2. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. Москва : Европа, 2008. 424 с.
3. Балаклеец Н. А. Героическое измерение постгероического общества // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 39–48. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.5.
4. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. В. Седельника. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
5. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. Москва : РИПОЛ классик, 2016. 224 с.

6. Булгаков С. Н. Невеста Агнца // О Богочеловечестве. URL: <https://predanie.ru/book/220029-nevesta-agnca/> (дата обращения: 11.10.2025).
7. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: София и путь к Богу. Москва : Республика, 1994. 415 с.
8. Волошин В. В. Мем и меметика: эпистемологический ракурс // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 224–237. DOI 10.24412/2071-6141-2023-1-224-237.
9. Гройс Б. Философия заботы / пер. с англ. А. Фоменко. Москва : Новое литературное обозрение, 2024. 120 с.
10. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. Ю. М. Денисова, Ю. Н. Стефанова. Москва : Политиздат, 1990. 415 с.
11. Колозариди П. Мем о бесславии // Логос. 2016. Т. 26, № 6(115). С. 219–235.
12. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. 416 с.
13. Леденев В. Амалия Ульман: «Сначала я была блондинкой в розовом, а потом вдруг – офисной работницей, которая обожает все красное». 18.08.2021. URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20210818-SHNr/> (дата обращения: 05.11.2025).
14. Сигаева М. С. Интернет-мем: происхождение, дефиниции и подходы к исследованию / М. С. Сигаева, Н. В. Степанова // Дискурс. 2025. Т. 11, № 2. С. 114–131. DOI 10.32603/2412-8562-2025-11-2-114-131.
15. Юнг К. Г. Эон. Исследования о символике самости / пер. А. Чечиной. Москва : АСТ, 2019. 352 с.
16. Allison S. T. The initiation of heroism science. Heroism Science. 2015, 1(1), 1.
17. Auxtova K., Schreven S., Wishart L. J. Refashioning Second-Hand Clothes Consumption Through Pleasure, Pain, Seduction and Conversion: A Virtue Ethics Perspective. J Bus Ethics. 2025, 196, 863–881. <https://doi.org/10.1007/s10551-024-05874-x>
18. Crewe L., Gregson N. Second Hand Cultures. Oxford: Berg Publishers, 2003. 256 p. DOI: 10.2752/9781847888853.
19. Franco Z., Zimbardo Ph. The banality of heroism. Greater Good. 2007. 3. 30-35.
20. Heroic Imagination Project. URL: <https://www.heroicimagination.org> (дата обращения: 16.10.2025).
21. Image Capital. Estelle Blaschke & Armin Linke. 09. Sep 2022 – 11. Dec 2022. URL: <https://www.museum-folkwang.de/en/exhibition/image-capital>.
22. Larsen F. Objects and Social Actions: On Second-hand Valuation Practices. PhD Series 23.2015. Frederiksberg: Copenhagen Business School, 2015. 245 p. ISBN 978-87-93339-28-6. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/208940/1/cbs-phd2015-23.pdf> (дата обращения: 06.10.2025).
23. Marzella F. The Second-hand Market: The Practice of Reusing Goods in Cultures Dominated by the New. Italian Sociological Review, 2015, vol. 5, № 1, pp. 105–122. DOI: 10.13136/isr.v5i1.97.
24. Sharma S., Kulkarni A., Suresh T., Mathur H., Nakov P., Akhtar M. Shad, Chakraborty T. Characterizing the Entities in Harmful Memes: Who is the Hero, the Villain, the Victim? In: Proceedings of the 17th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, Dubrovnik, Croatia, 2–6 May 2023, pp. 2149–2163. Association for Computational Linguistics.

Reference list

- Adorno T. Dialektika prosveshhenija: filosofskie fragmenty = Dialectics of Enlightenment: philosophical fragments / T. Adorno, M. Horkhajmer. Moskva ; Sankt-Peterburg : Medium ; Juventa, 1997. 320 s.
- Arendt H. Banal'nost' zla. Jehhman v Ierusalime = Banality of evil. Eichmann in Jerusalem. Moskva : Evropa, 2008. 424 s.
- Balakleec N. A. Geroicheskoe izmerenie postgeroicheskogo obshhestva = Heroic dimension of postheroic society // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 39–48. DOI 10.15688/lp.jvolvsu.2023.2.5.
- Bek U. Obshhestvo riska: na puti k drugomu modernu = Risk society: on the road to another modern / per. s nem. V. V. Sedel'nika. Moskva : Progress-Tradicija, 2000. 384 s.
- Bodrijjar Zh. Duh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo = Spirit of terrorism. There was no war in the bay / per. s fr. A. Kachalova. Moskva : RIPOL klassik, 2016. 224 s.
- Bulgakov S. N. Nevesta Agnca = Bride of Agnus Dei // О Богочеловечестве. URL: <https://predanie.ru/book/220029-nevesta-agnca/> (дата обращения: 11.10.2025).
- Bulgakov S. N. Svet ne večernij: Sofija i put' k Bogu = Non-evening light: Sofia and the way to God. Moskva : Respublika, 1994. 415 s.
- Voloshin V. V. Mem i memetika: jepistemologičeskij rakurs = Meme and memetics: an epistemological angle // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 1. С. 224–237. DOI 10.24412/2071-6141-2023-1-224-237.
- Grojs B. Filosofija zaboty = Caring philosophy / per. s angl. A. Fomenko. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 120 s.
- Kamju A. Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo = A rebellious man. Philosophy. Politics. Art / per. s fr. Ju. M. Denisova, Ju. N. Stefanova. Moskva : Politizdat, 1990. 415 s.
- Kolozaridi P. Mem o besslavii = The Infamy Meme // Logos. 2016. Т. 26, № 6(115). С. 219–235.
- Levinas Je. Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe = Favorites. Totality and Infinite. Moskva ; Sankt-Peterburg : Universitetskaja kniga, 2000. 416 s.
- Ledenev V. Amalija Ul'man: «Snachala ja byla blondinkoj v rozovom, a potom vdruk – ofisnoj rabotnicej, kotoraja obozhaet vse krasnoe» = Amalia Ullman: «At first I was a blonde in pink, and then suddenly – an office worker who loves everything red». 18.08.2021.

URL: <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20210818-SHNr/> (data obrashhenija: 05.11.2025).

14. Sigaeva M. S. Internet-mem: proishozhdenie, definicii i podhody k issledovaniju = Internet meme: origins, definitions and research approaches / M. S. Sigaeva, N. V. Stepanova // *Diskurs*. 2025. T. 11, № 2. S. 114–131. DOI 10.32603/2412-8562-2025-11-2-114-131.

15. Jung K. G. Jeon. Issledovanija o simbolike samosti = Eon. Studies on the symbolism of the self / per. A. Chechinov. Moskva : AST, 2019. 352 s.

16. Allison S. T. The initiation of heroism science. *Heroism Science*. 2015, 1(1), 1.

17. Auxtova K., Schreven S., Wishart L. J. Refashioning Second-Hand Clothes Consumption Through Pleasure, Pain, Seduction and Conversion: A Virtue Ethics Perspective. *J Bus Ethics*. 2025, 196, 863–881. <https://doi.org/10.1007/s10551-024-05874-x>

18. Crewe L., Gregson N. *Second Hand Cultures*. Oxford: Berg Publishers, 2003. 256 p. DOI: 10.2752/9781847888853.

19. Franco Z., Zimbardo Ph. The banality of heroism. *Greater Good*. 2007. 3. 30-35.

20. Heroic Imagination Project. URL: <https://www.heroicimagination.org> (data obrashhenija: 16.10.2025).

21. Image Capital. Estelle Blaschke & Armin Linke. 09. Sep 2022 – 11. Dec 2022. URL: <https://www.museum-folkwang.de/en/exhibition/image-capital>.

22. Larsen F. *Objects and Social Actions: On Second-hand Valuation Practices*. PhD Series 23.2015. Frederiksberg: Copenhagen Business School, 2015. 245 p. ISBN 978-87-93339-28-6. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/208940/1/cbs-phd2015-23.pdf> (data obrashhenija: 06.10.2025).

23. Marzella F. The Second-hand Market: The Practice of Reusing Goods in Cultures Dominated by the New. *Italian Sociological Review*, 2015, vol. 5, № 1, pp. 105–122. DOI: 10.13136/isr.v5i1.97.

24. Sharma S., Kulkarni A., Suresh T., Mathur H., Nakov P., Akhtar M. Shad, Chakraborty T. Characterizing the Entities in Harmful Memes: Who is the Hero, the Villain, the Victim? In: *Proceedings of the 17th Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, Dubrovnik, Croatia, 2–6 May 2023*, pp. 2149–2163. Association for Computational Linguistics.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 18.11.2025; approved after reviewing 21.12.2025; accepted for publication 22.01.2026.